ска) до составления цензурного варианта оды. Все же составленные строфы в своей нумерации точно совпадают с окончательной редакцией. Из сказанного следует вывод: наиболее ранняя (54 строфы) редакция оды, воспроизведенная в «лонгиновском» списке, первоначально была сокращена до 50 строф, из которых в цензурный список вошло только 28 избранных. После того как рукопись была сдана в цензуру, Радищев решает (возможно, по ее получении) изложить всю оду в составе 50 строф (без четырех, «забракованных» ранее), не увеличивая при этом общего объема книги. Т. е. цензурный список в составе 28 избранных строф частично воспроизводил не первоначальную (в составе 54 строф) редакцию, а ее измененный (сокращенный на 4 строфы) вариант. Таким образом, последовательность работы Радищева над текстом оды сводится к очередности вариантов: 54—50—28—50.

Зная, что план изложения оды относился к ее варианту в составе 50 строф, легко установить заключительную (42-ю по перечню, 28-ю по порядку изложения) строфу цензурного списка. Это — 46-я строфа «лонгиновского» текста:

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность попрана;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!...
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил;
Твоей я славе непричастен —
Позволь, коль дух мой неподвластен,
Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл!

Очевидно, мотивы, побудившие Радищева дать в окончательной редакции иную, оптимистическую концовку, были те же, что и при замене первоначальной редакции последней главы «Путешествия» (рассказ о встрече с самоубийцей) «Словом о Ломоносове».[15] По этим же соображениям были исключены 4 строфы оды. Г. П. Макогоненко пишет, что «Радищев не мог оставить в революционном стихотворении строфы, где в сознательные действия народа, самоотверженно сражающегося с самодержавием, вмешивался бог».[16] То же самое следует сказать и о поэме «Творение мира». Исключение ее не означает, однако, что Радищев вообще отказался от «песнословия». Позднее в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» он вновь возвращается к философской проблеме слова-деяния (раскрывавшейся и в поэме). Рассуждая о всемогуществе слова, о значении речи в усовершенствовании рода человеческого, Радищев писал: «Мне

---

[15] См. об этом статью: *Татаринцев В. А.* «Слово о Ломоносове» А. Н. Радищева — В кн.: Вопросы русской и зарубежной литературы. Пермь, 1974, с. 17—36.

[16] *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время, с. 406.